

Д.И. Иванов

*кандидат филологических наук, доцент,
профессор Гуандунского университета международных исследований (Китай)*

Ivan610@yandex.ru

КОГНИТИВНАЯ ПЕРЕКОДИРОВКА СОЗНАНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ В КИНОТЕКСТЕ «ХОЛОДНОЕ ЛЕТО ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЕГО»

В статье на основе авторской модели изучения кинотекста, базирующейся на оригинальной теории когнитивно-прагматических программ (КПП), исследуется когнитивная перекодировка сознания персонажей кинотекста «Холодное лето пятьдесят третьего». Доминирующая КПП перекодирует личность так, что становится ее главной опорой и в самосохранении, и в самооправдании, «встраивая» в сознание личности свой защитный механизм. Система-источник (базовая КПП тоталитарного режима) и ее альтернативный вариант (уголовно-криминальная проекция базовой КПП) схожи: обе, формально противостоя друг другу, используют деструктивные стратегии насилия, подавления, подчинения, манипуляции и т.п. КПП трансформирует процессы естественного функционирования сознания личности, заменяя их процессом собственного развития, который, в свою очередь, воспринимается носителем программы как работа его индивидуального / коллективного «сущностного я». Человек-механизм, «потерявший» свое «сущностное я», отождествляет себя с «другим», но не «с другим в себе», а с «другим-программой», превращаясь в обезличенное «мы».

Ключевые слова: кинотекст, когнитивно-прагматическая программа (КПП), мифологизация, манипуляция, самоидентификация, перекодировка

This article considers the cognitive conversion of characters' consciousness of the film "The Cold Summer of 1953" construct based on the author's original theory of cognitive-pragmatic programs (CPPs). The dominant CPP recodes the personality in such a way that it becomes its main support both in self-preservation and self-justification, "building" its own defense mechanism into the consciousness of the individual. The source system (the basic CPP of the totalitarian regime) and its alternative (criminal projection of the basic CPP) are similar: both, formally confronting each other, use destructive strategies of violence, suppression, subordination, manipulation, etc. The CPP transforms the processes of natural functioning of the individual's consciousness, replacing them with the process of their own development, which, in turn, is perceived by the program carrier as the work of its individual / collective "essential self". The human mechanism, that has "lost" its "essential self", identifies itself with the "other", but not "with the other within itself", but with the "other-program", turning into an impersonal "we".

Keywords: film construct, cognitive pragmatic program (CPP), mythologization, manipulation, self-identification, conversion

Кинотекст как семиотический конструкт – дискуссионный объект разнонаправленных междисциплинарных исследований. Синтетический характер и многомерность кинотекста проявляются в серьезности возникающих научных проблем (типология структур производства значения, вопросы линейного членения фильма, соотношения дискретного и континуального, единиц и уровней артикуляции фильма, моделей киноповествования и пр.). В языке кино «не существует кода, состоящего из узнаваемых и выделяемых единиц и способов их организации, который являлся бы общим для всех фильмов» [Слышкин, Ефремова, 2004, с. 17], поэтому фоном любых исследований кинотекста проходит проблема его моделирования «по сути», от теоретического ракурса которой зависят и научные результаты. Наш комплексный подход к кинотексту базируется на оригинальной авторской метадисциплинарной теории когнитивно-прагматических программ (КПП). КПП – это «своеобразная концептуальная матрица, опорная система когнитивно-прагматических установок (КПУ) (целевых, самоидентификационных

Д.И. Иванов *Когнитивная перекодировка сознания персонажей
в политическом кинотексте «Холодное лето пятьдесят третьего»*

(ролевых), инструментальных, оценочно-результативных), формирующихся в пространстве когнитивного сознания отдельной личности / определенной социальной группы / нации / народа» [Иванов, 2019, с. 252].

Определяя доминирующую КПП, структурирующую фильм как концептуально-смысловое целое, в исследуемом кинотексте (художественно-игровом с жанровой точки зрения) можно выделить обширный пласт политического сознания, о значимости которого говорит целый комплекс идентификационных политических маркеров, начиная с названия фильма. Первая часть названия («пятьдесят третий год») отсылает к историческому контексту, вторая («холодное лето») – к аксиологическому (неоднозначная общественная интеллектуально-психологическая реакция на смерть Сталина, амнистию «от Берии», «разоблачение» Л. Берии – сложный комплекс горя, страха, растерянности, скорби («холод»), надежды). Информативны в этом плане, например, диалог участкового Манкова с капитаном рейда Фадеичем («Манков: Кореша позавчера похоронил. Воевали вместе. *Фадеич*: Скончался от ран? *Манков*: Урки зарезали... в подъезде... <...> Форму взяли, наган – магазин грабанули – суки! С пальбой! Это они так амнистию празднуют <...> Берия дал. Я тогда ничего понять не мог – у народа такое горе, а всех урок на свободу...»¹ («Холодное лето пятьдесят третьего»)). Для характеристики субъектной среды кинотекста (носителей доминирующей КПП) важно, что, несмотря на «холод» – массовый государственный террор, направленный «на все общество, на создание в нем специфической атмосферы» [Ахиезер, 1999, с. 85], человек Страны Советов мифологически «заворожен» утопической моделью социалистического мироустройства, а его когнитивно-ментальное сознание (ментальная метаструктура, несводимая к языковому сознанию, но им овнешненная – см.: [Попова, Стернин, 2007; Иванов, 2019]) искажено десятилетиями покорности, слепой веры и тотального страха. Не случайно базовый манипулятивный маркер «И. Сталин» активизируется и в сознании представителя власти Манкова (он говорит о смерти Сталина как о всенародном горе), и в сознании политического ссыльного Лузги, который в разговоре с Копалычем называет Сталина вождем и учителем.

Основной движущий принцип доминирующей партийно-идеологической КПП – перманентный поиск / уничтожение реального / абстрактного противника. Эта агрессивная КПП «живет», пока есть с чем «бороться», поэтому идейное «усиление классовой борьбы» легко превращается в политический террор, тотальную войну, в которой решающую роль играет мифологическая перекодировка сознания носителей КПП («инстинкт самосохранения» КПП, если можно так выразиться). Наглядно это демонстрирует сцена избияния уголовником Мухой политического заключенного Лузги («*Муха*: «А, враги народа – троцкисты-утописты – вредители. То-то, я гляжу, хари гнусные (*бьет Лузгу головой в лицо, Лузга падает. Муха бьет его ногами, переходит на крик*) Родину не любишь, да!...»). Все репрессированные по 58-й статье в массовом сознании автоматически становятся «троцкистами-утопистами», «предателями родины» и т.п., поэтому избивающий «политического» (по данному поводу) уголовник – такой же «инструмент» доминирующей КПП, как и представители власти.

Поскольку базовая партийно-идеологическая КПП, с одной стороны, находится в постоянном поиске новых реальных / потенциальных врагов, а с другой, используя свой огромный мифологический потенциал как инструмент манипулятивного воздействия на сознание масс, продолжает активный поиск / «вербовку» новых адептов, то, по крайней мере, в «инструментальном» плане («инструментальные» КПУ) «волю» КПП и в реальности, и в пространстве кинотекста исполняют (то есть вольно или невольно принимают предначертанный КПП статус и выполняют расписанные ею – ее «вождями» как наиболее статусными носителями – роли) совершенно не схожие меж собой персонажи, представители разных субъектных зон и групп. Так, персонажи зоны «Свой», объединенные статусно-ролевым маркером «товарищ»:

¹ Далее фрагменты вербального субтекста данного кинотекста приводятся без повтора указаний на источник (по умолчанию), но с нашими курсивом, указаниями персонажей и их отдельных действий.

начальник милиции Дмитрюк и участковый Манков, управляющий факторией И. Зотов и капитан рейда Фадеич, просто гражданские лица (например, жена и сын Н.П. Старобогатова (Копалыча), отрекшиеся от репрессированного близкого человека) – вольно или невольно воплощают в жизнь базовый вариант КПП. А уголовно-криминальная группа субъектной зоны «Чужие» реализует ее проекцию. Поскольку уголовник не способен серьезно угрожать КПП (у него совсем другая цель), система относится к нему двояко. С одной стороны, это враг, но враг «внешний», «второстепенный». С другой, уголовно-криминальная среда – удобный источник постоянной демонстрации «позитивной» силы и власти системы, которая, защищая «рядовых» носителей КПП от посягательств уголовных элементов, подтверждает свой универсально-конструктивный статус. В поиске новых инструментов и способов контроля сознания «идеологического врага» система делает ставку на уголовно-криминальную среду, наделяя ее свойствами системы-источника (или используя схожие свойства) и формируя свою специфическую копию, уголовно-криминальную проекцию (уголовники чувствуют и используют эту условную лояльность со стороны КПП – администрации лагеря). Система-источник (базовая КПП тоталитарного режима) и ее альтернативный вариант (уголовно-криминальная проекция базовой КПП) схожи «модельно» и «инструментально»: обе, формально противостоя друг другу, используют деструктивные стратегии насилия, подавления, подчинения, манипуляции и т.п.

По словам Э. Кассирера, «политические мифы действуют так же, как змея, парализующая кролика перед тем, как атаковать его. Люди <...> побеждены и покорены еще до того, как оказываются способными осознать, что же на самом деле произошло» [Кассирер, 1990, с. 63]. Перекодировка сознания персонажей ощутима, прежде всего, в блокировке естественных эмоциональных и интеллектуальных реакций личности и подмене их «запрограммированными» реакциями самой КПП, принявшей субъектную форму. Когда Манков рассказывает Фадеичу, как они с Дмитрюком жгли портреты Берии, Фадеич парализован страхом – и в вербальном, и в кинематическом планах – до степени впадения в транс (широко раскрытые глаза, застывшее лицо). Его мгновенный ответ («Дмитрюк – враг народа») как будто произнесен не им, а самой программой: голос механически безэмоционален и монотонен. Герой словно автомат: смотрит и не видит, слушает и не слышит (хотя Манков доводит до него надежность источника информации), потому что в данный момент перед нами не живой человек, а защищающая себя КПП, носителем которой («товарищем», «своим») он является. Отметим, что даже для политических ссыльных эта новость – нечто почти невозможное (Копалыч: Сережа, Берия Лаврентий Павлович – враг народа. Я не шучу – честное слово <...> Лузга: Думай – что ты несешь... Копалыч: Клянусь, Сережа <...> Вы представляете, что это такое... Ведь это давно было ясно. Это только начало. Только начало. Теперь всем станет понятно, что мы с Вами... Ведь столько невиновных... Лузга: Нет... Сказки... Не может быть»). То есть, несмотря на то, что «давно было ясно» (они невиновны), эти внутренне не подчиненные полностью КПП политзаключенные все равно парализованы ее могуществом и действуют по ее плану: Лузга, боевой капитан, подлинный герой, словно окаменев, не отвечает на презрительную реплику Манкова («Да я Карпаты штурмовал, когда ты немцам в плену галифе лизал!»); Копалыч сам запиской попросил семью отречься от него (и семья исполнила это).

Отметим, что для достижения своей основной цели – мифологизирующего манипулятивного когнитивно-ментального воздействия на сознание – системе (структурируемой доминирующей КПП в ее субъектных формах) всё равно, какой вариант выбирают репрессированные и их родственники: «сознавшиеся», «несознавшиеся», «отрекшиеся», «неотрекшиеся» равно подлежат «обработке» (варьируются только физические и когнитивно-ментальные инструменты). Вспомним, как действовал «затянутый в машину» своей «спасительной» теории Раскольников, и оценим мощь и масштаб гораздо более разработанной и привлекательной теории, внедренной в сознание в размере государства (и шире) на многих миллионах «носителей». Можно сказать, что доминирующая КПП перекодирует личность так, что становится ее главной опорой и в самосохранении (залог его –

Д.И. Иванов *Когнитивная перекодировка сознания персонажей
в политическом кинотексте «Холодное лето пятьдесят третьего»*

«верность» КПП в форме императива, вплоть до «добровольного» доносительства), и в самооправдании (страха, предательства или бездействия, как в случае отрекшейся от Н.П. Старобогатова его семьи), «встраивая» в сознание личности своеобразный защитный механизм (концептуально-смысловой интерпретационный фильтр): носитель КПП, реагируя на новую информацию, концентрирует свое внимание не на ее источнике и даже не на своем жизненном опыте, а на степени ее соответствия принципам доминирующей КПП.

Ярким образчиком единого концептуально-смыслового поля в его базовой структурированности (КПП) является сцена внешне алогичного, целостного механизма взаимодействия системы-источника (базовая КПП) и формально противопоставленной ей системы-варианта (уголовно-криминальная проекция базовой КПП). Это разговор Фадеича с Крюком и Бароном (главарем банды): «*Фадеич*: Нет вам отсюда дороги – суд да тюрьма. *Барон*: Почему нет? *Фадеич*: Потому, что вы вошли в конфликт с властью. *Крюк*: Власть нам амнистию дала. Нам всё списали и еще спишут. *Барон*: Что может твоя власть? Убить меня – так и я могу убить тебя и любого... Твоя власть что дала тебе – гроши. А я – я красиво живу. Я беру сколько надо и еще вдвое. Я красиво живу (*переходит на крик*) А по тебе ходят. Ты подошвы лижешь! *Фадеич*: Я исполняю долг!..». Маркеры внешнего противостояния КПП-источника и КПП-варианта на самом деле подчеркивают их внутреннее единство.

Так, маркер *справедливый суд советского государства* (КПП-источник) противопоставляется бандитскому *беспределу* (КПП-вариант). Однако гуманизм и справедливость советской системы правосудия – манипулятивная иллюзия. Суд в тоталитарном государстве – деструктивный карательный инструмент. Вопрос о виновности факультативен, значимо само попадание «в прицел» (например, был в плену – значит, изменник родины; был за границей – значит, шпион иностранной разведки): «*Лузга*: (*поворачивает голову и внимательно смотрит на Копальча*) Не Лузга я. Басаргин Сергей. (*Копальч улыбается и снимает шапку*) *Копальч*: Очень приятно. Скоробогатов Николай Павлович. Английский шпион. Инженер в прошлом – главный... *Лузга*: Полковая разведка – капитан. Попал в окружение. Бежал. Вышел к нашим. Один... *Копальч*: Дальше ясно...».

Маркер «*Истинная*» *внешняя (физическая) и внутренняя (духовная) свобода советского человека* (КПП-источник) противопоставляется тюремному заключению, пребыванию в лагере («Власть нам амнистию дала. Нам всё списали и еще спишут» – КПП-вариант). Здесь структура сложнее: компонент «физическая / духовная свобода» соотнесен с базовой формой КПП, контролирующей сознание «свободных» граждан-«товарищей»; компонент «тюремное заключение / лагерь» связан с уголовно-криминальной проекцией КПП, контролирующей сознание соответствующих «врагов» советской власти. Одна форма КПП ментально продуцирует идеальное советское государство, основанное на принципах гуманизма, справедливости и равенства, где живут счастливые, свободные люди; другая – узаконивает пространство ГУЛАГа. Но никакой реальной противопоставленности компонентов в пространстве мифологизированной советской псевдореальности не существует: каждый советский человек рассматривается и как реальный / потенциальный «благонадежный» член советского общества, и как реальный / потенциальный «чужеродный» элемент (статус субъектных единиц нестабилен, отчего и парализованы страхом и Фадеич при известии о «разоблачении» Берии, и семья Н. П. Старобогатова). Чем выше степень формального противопоставления «свободы» и ГУЛАГа, тем глубже их смысловая целостность. Выходя из одного лагеря, контролируемого уголовно-криминальным вариантом КПП, человек автоматически попадает в другой лагерь («идеальное» советское государство), в котором лагерная несвобода заменяется иллюзией свободы, так что Крюк совершенно прав – бандитам «всё списали и еще спишут».

Для «благонадежного» носителя КПП «свобода» – особая форма подчинения доминирующей программе («Я исполняю долг!»). Чем выше степень подчинения, тем выше уровень такой «свободы», основной формой проявления которой становится скрытая или явная агрессия (от фанатичной веры в универсальный статус КПП и тотальной подозрительности и страха до

D.I. Ivanov *Cognitive characters' consciousness conversion
within the political film construct of "The cold summer of 1953"*

«разоблачения заговоров против советской власти»). Для уголовников же высшей формой «свободы» становится открытая бесконтрольная агрессия, легко направляемая системой против «политических». Не случайно так внутренне схожи маркируемые как противоположные *борьба власти с «чужеродными» элементами* (апофеоз которой – расстрел – имеет предельно мифологизированное название – «высшая мера социальной справедливости / защиты») и *насилие* уголовников («Так и я могу убить тебя и любого...» – КПП-вариант). В условиях сталинского тоталитаризма это псевдооппозиция.

Перекодировка сознания носителя КПП отчетливо выступает при анализе субъектного подхода к понятию «долг», являющемуся одним из маркеров вышеупомянутой псевдооппозиции двух вариантов КПП (*долг советского человека* перед родиной, государством и другими «рядовыми» носителями КПП («Я исполняю долг») (КПП-источник) противопоставляется системе неписаных воровских «понятий» (КПП-вариант)). Фраза «я исполняю долг» – рефлекторно-инстинктивная (в субъективированной форме) ответная, защитная реакция программы на любые попытки «дискредитации» ее «универсального» статуса. Фразу о долге произносит Фадеич (единственный в данной сцене представитель программы-источника). Он испуган, скован. Его голос звучит механически. Очевидно, что это голос самой программы. «Я исполняю долг» – это своеобразный когнитивно-ментальный код, идентифицирующий сущность программы, который встроен в сознание каждого «рядового» носителя КПП и обладает сложной семантикой. Обратимся здесь только к первому компоненту.

«Я» Фадеича в данной фразе – это «расщепленная» индивидуально-коллективная псевдосомоидентификационная проекция (овеществленный конструкт) обезличенного, предельно обобщенного, размытого (нестабильного) «сущностного я» «рядового» носителя КПП (программы-источника / программы-варианта). Основным инструментом дестабилизации самоидентификационной целостности личностного ядра субъекта является порождающая его программа. В основе этого процесса лежит автоматизированный механизм искусственного расщепления сознания субъекта, разрушающий базовый компонент самоидентификации личности: дистанцирование своего «сущностного я» от «другого» (см.: [Можейко, 2003]): субъект постепенно утрачивает способность идентифицировать свое собственное «я» и дифференцировать его от «другого» в себе и от «другого» в «другом». Важно, что этот процесс приобретает массовый, тотальный характер, то есть работает и на уровне сознания коллективного. При этом деструктивный механизм неразличения «себя» и «другого» / слияния «себя» с «другим-программой» есть особая субъектная форма воплощения самой программы. КПП трансформирует процессы естественного функционирования сознания личности, заменяя их искаженным, противоречивым процессом собственного развития (моделирование целевых, самоидентификационных, инструментальных и оценочно-результативных подсистем КПУ), который, в свою очередь, воспринимается носителем программы как работа его индивидуального / коллективного «сущностного я». Это происходит в несколько этапов.

Сначала КПП в благоприятной когнитивно-ментальной среде стремится проникнуть в сознание человека и «укорениться» в нем, причем сам момент «погружения» в программу субъектом практически не ощущается: КПП стремится «обойти» защитные механизмы психики и не нарушать гармонию нравственных, морально-этических принципов и ценностей личности, обеспечивающих целостность ее «сущностного я». «Обходя» нравственно-этические и интеллектуально-аналитические защитные механизмы «сущностного я», КПП обращается к его альтернативной проекции, к «Другому в себе», конфликтная встреча с которым для субъекта неизбежна, так как путь внутреннего мира к своему «сущностному я» (к самому себе) всегда лежит через осознание «я-бытия-для-другого» (см.: [Сартр, 2000]). При этом сам конфликт приобретает онтологический статус и воспринимается как «первоначальный смысл бытия-для-другого», что позволяет программе до определенного момента эффективно скрывать свою истинную вирусно-манипулятивную природу, маскируя ее под необходимый для «нормального» развития психики человека процесс

Д.И. Иванов *Когнитивная перекодировка сознания персонажей
в политическом кинотексте «Холодное лето пятьдесят третьего»*

противостояния «сущностного я» и «другого в себе». В результате сам процесс «внедрения» КПП в пространство когнитивного сознания и момент активизации ее деструктивных импульсов субъектом не ощущается и не осознается. В итоге программа начинает контролировать степень интенсивности «естественного» конфликта «сущностного я» / «другого в себе», оставаясь для самого субъекта не различимой, занимая место заблокированного ею естественного процесса конфликтного взаимодействия личностных проекций субъекта и приобретая форму связующего элемента, регулирующего специфику взаимоотношений «сущностного я» и «другого в себе».

Процесс внутренней дисбалансировки защитного механизма «сущностного я» протекает последовательно. Первоначально программа «поражает» психоэмоциональный компонент защитного механизма «сущностного я». С помощью деструктивного нарастающего страха, который становится своеобразной формой воплощения самой программы, блокируются все основные конструктивные (позитивные) чувства и состояния субъекта, такие как радость, восхищение, любовь, дружба, вера в себя и в других (способность доверять), стремление к свободе, способность принимать самостоятельные решения и т.д. Причем программа работает таким образом, что блокируется не само чувство / состояние, а его конструктивный компонент, выполняющий функцию естественного инструмента сохранения целостности «сущностного я» субъекта. В результате «живое» конструктивное чувство человека отождествляется с его механической деструктивно-автоматизированной копией (стандартной реакцией программы, разрушающей целостность «сущностного я» субъекта).

Парадокс заключается в том, что программе удается сохранить в сознании человека уверенность в том, что данная реакция и есть истинное чувство. Это закономерно приводит к тотальной разбалансировке общего психоэмоционального состояния «сущностного я» субъекта и резко снижает уровень его волевой и интеллектуально-аналитической активности. Человек больше не в состоянии адекватно оценивать ни себя, ни свои действия, ни действия других людей, ни окружающую его действительность. Его воля подавлена тотальным страхом-программой, а каждая отдельная «аналитическая» операция превращается в рефлекторно-инстинктивную механическую реакцию. Защитный механизм «сущностного я» субъекта под мощным деструктивным воздействием страха перестает выполнять свои базовые функции и становится специфической формой воплощения самой программы.

Параллельно с этим в пространстве «сущностного я» субъекта активизируется процесс поиска путей восстановления утраченной целостности. Блокированное программой пространство «сущностного я» пытается обрести «новый» объект взаимодействия и «создает» (конструирует) «нового другого в себе». Однако этот процесс полностью контролируется программой. «Новый другой в себе» – это всего лишь искаженная программой форма самого себя. Результатом становится «расслоение», искусственное «расщепление» «сущностного я». Субъект дезориентирован в пространстве своего сознания. Он одновременно и «узнает», и «не узнает» себя в себе.

Программа полностью подчиняет субъекта себе, при этом доминирующим компонентом сознания человека-механизма становится тотальный, парализующий страх (таковы буквально все – до прозрения – реакции «отрекшейся» семьи Н.П. Скоробогатова на сообщение о том, что «Копалыч» был невиновен). Парадокс заключается в том, что субъект воспринимает страх, во-первых, как единственный, «истинный» источник формирования всех «конструктивных» психоэмоциональных состояний и «чувств», таких как *любовь-страх*, *счастье-страх*, *радость-страх*, *восхищение-страх*, *вера-страх* и т.д. Перед нами овеществленные, опредмеченные, предельно мифологизированные, автоматизированные реакции, функционирующие по принципу тотального неразличения конструктивного и деструктивного. Таким образом, реакция *любовь-страх* отождествляется с ненавистью, *радость-страх* воспринимается как уныние, печаль, горе, *восхищение-страх* превращается в отвращение, а *вера-страх* становится тотальным безверием и т.д. Во-вторых, страх для «расщепленного» субъекта – конститутивный инструмент, необходимый для корректного выполнения «волевых» и «интеллектуально-аналитических» операций, которые

D.I. Ivanov *Cognitive characters' consciousness conversion
within the political film construct of "The cold summer of 1953"*

уже не принадлежат субъекту, так как полностью автоматизированы и отождествлены с деструктивно-манипулятивной волей самой программы. В этих условиях иллюзия свободы (автономности, самостоятельности) «сущностного я» субъекта перерастает в ощущение «тотальной эйфории», которая, в действительности, является апатией, безразличием и тотальной отчужденностью не только от реальности, но и от своего «сущностного я» (от самого себя).

На завершающем этапе КПП стремится максимально расширить сферу своего влияния, поэтому ключевым компонентом общей мифодеструктивной инструментально-операциональной стратегии программы становится манипулятивно-вирусный компонент. В соответствии с этим меняется и объект воздействия КПП – это уже не индивидуальное, а массовое сознание. Программа провозглашает единый для всех граждан советского государства (потенциальных / реальных носителей КПП) принцип всеобщего равенства перед «законом», то есть перед самой собой. «Закон»-программа должен стать фундаментом нового универсального миропорядка, где нет места любым формам индивидуализма: личные интересы заменены классовой сознательностью; любое «самостоятельное» «конструктивное» действие, мысль, чувство носителя КПП должно соответствовать «линии партий» – и т.д.

КПП-«закон» позиционирует себя двояко. С одной стороны, это «великое благо»: каждый «рядовой» носитель КПП автоматически получает одну на всех новую «веру» в то, что рай на земле возможен; новую «надежду» на долгую, счастливую жизнь в свободной стране; новую «любовь» и «опору» в лице «великого» вождя (лидера) и всей коммунистической партии в целом. С другой – он предстает в единой для всех псевдоконструктивной форме «тотальной диктатуры, террора («кто не с нами, тот против нас»). В основе утверждения этого «нового» «гуманного» миропорядка лежит все тот же мифологический принцип неразличения: «великое благо» и «диктатура / террор», направленный на его достижение, отождествлены, одно отражается в другом.

Последствия сколько-нибудь массовой перекодировки тотальны – срабатывает принцип цепной реакции. Человек-механизм, «потерявший» свое «сущностное я», отождествляет себя с «другим», но не «с другим в себе», а с «другим-программой». Соответственно, этот принцип предопределяет специфику прямого / обратного позиционирования себя в процессе взаимодействия с другими «рядовыми» носителями КПП. Отождествляя себя «с другим-программой», субъект не способен увидеть в нем живого человека. Он видит в нем свое искаженное отражение «другого в другом», то есть вновь сталкивается лицом к лицу с самой программой.

Итак, в силу агрессивно-манипулятивной природы доминирующей КПП ее «волю» исполняют представители разных субъектных зон и групп. Система-источник (базовая КПП тоталитарного режима) и ее альтернативный вариант (уголовно-криминальная проекция базовой КПП) схожи: обе, формально противостоя друг другу, используют деструктивные стратегии насилия, подавления, подчинения, манипуляции. Доминирующая КПП перекодирует личность так, что становится ее главной опорой и в самосохранении, и в самооправдании, «встраивая» в сознание личности свой защитный механизм и регламентируя не только ее политическое сознание, но и самосознание в целом. Более того, перекодировка сознания носителя КПП отчетливо выступает именно при анализе его самосознания. КПП трансформирует процессы естественного функционирования сознания личности, заменяя их процессом собственного развития (моделирование целевых, самоидентификационных, инструментальных и оценочно-результативных подсистем КПУ), который, в свою очередь, воспринимается носителем программы как работа его индивидуального / коллективного «сущностного я». В результате понятие «я»-личность как бы «стирается», нивелируется и овеществляется, превращаясь в обезличенное «мы». Именно таковы действия и реакции многих персонажей исследуемого кинотекста.

ФИЛЬМОГРАФИЯ

1. Холодное лето пятьдесят третьего (1987, реж. А. Прошкин, СССР), игр.

Д.И. Иванов *Когнитивная перекодировка сознания персонажей
в политическом кинотексте «Холодное лето пятьдесят третьего»*

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахиезер А.С. Мифология насилия в советский период (возможность рецидива) // *Общественные науки и современность*. 1999. № 2. – С. 85–93.
2. Иванов Д.И. Теория когнитивно-прагматических программ / Гуандунский ун-т междунар. исследований (Китай). – Иваново: ПресСто, 2019. – 312 с.
3. Кассирер Э. Техника современных политических мифов // *Вестник МГУ. Серия 7. Философия*. 1990. № 2. – С. 58–65.
4. Можейко М.А. Другой / М.А. Можейко, Д.В. Майборода // *Новейший философский словарь* / сост. и гл. науч. ред. А.А. Грицанов. 3-е изд., испр. – Минск: Кн. дом, 2003. – С. 342–343.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.
6. Сартр Ж.П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр. В. И. Колядко. – М.: Республика, 2000. – 638 с.
7. Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). – М.: Водолей Publishers, 2004. – 153 с.

REFERENCES

1. Ahiezer A.S. *Mifologiya nasiliya v sovetskiy period (vozmozhnost retsidiva)* [Mythology of violence in the Soviet period (the possibility of relapse)]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Modernity]. 1999, №2, pp. 85-93.
2. Ivanov D.I. *Teoriya kognitivno-pragmaticheskikh programm* [Theory of cognitive-pragmatic programs]. *Guangdong University of International Studies (PRC)*, Ivanovo, PresSto, 2019, p. 312.
3. Cassirer E. *Tekhnika sovremennykh politicheskikh mifov* [The technique of modern political myths]. *Vest. Filosofiya* [News. Philosophy]. 1990, №2, pp. 58-65.
4. Mozheiko M.A. *Drugoi* [The Otherkin]. Mozheiko M.A., Maiboroda D.V. *Noveyshiy filosofskiy slovar* [Newest Philosophical Dictionary], edited by Gritsanov A.A., 3rd edition, Minsk, Knizhnyy Dom, 2003, pp. 342-343.
5. Popova Z.D., Sternin I.A. *Cognitive linguistics* [Kognitivnaya lingvistika]. Moscow, AST: Vostok-Zapad. p.314.
6. Sartre J.P. *Bytiye i nichto: opyt fenomenologicheskoy ontologii* [L'Être et le néant: Essai d'ontologie phénoménologique]. Interpreteed by Koliadko V.I. Moscow, Respublika, 2000, p.638.
7. Slyshkin G.G., Yefremova M.A. *Kinotekst (opyt lingvokul'turologicheskogo analiza)*. [Film construct (experience of linguoculturological analysis)] Moscow, Vodoley Publishers, 2004, p.153.